

Информация для цитирования:

[Слезин А. А.] Деятельность сельских комсомольцев 1920-х годов по преодолению «пережитков прошлого» / [А. А. Слезин], В. Б. Безгин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 526—542. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-526-542.

[Slezin, A. A.], Bezgin, V. B. (2024). Activities of Rural Komsomol Members in 1920s to Overcome “Remnants of Past”. *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 526-542. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-526-542. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Деятельность сельских комсомольцев 1920-х годов по преодолению «пережитков прошлого»

Слезин Анатолий Анатольевич

orcid.org/0000-0002-9559-7553

WoS ResearcherID: A-8944-2018

ScopusAuthorID 57200087498

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
anatoly.slezin@yandex.ru

Безгин Владимир Борисович

orcid.org/0000-0002-7074-6823

WoS ResearcherID: A-8926-2018

ScopusAuthorID 56940690200

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
vladyka62@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Activities of Rural Komsomol Members in 1920s to Overcome “Remnants of Past”

Anatoly A. Slezin

orcid.org/0000-0002-9559-7553

WoS ResearcherID: A-8944-2018

ScopusAuthorID 57200087498

Doctor of History, professor,
chief research scientist
anatoly.slezin@yandex.ru

Vladimir B. Bezgin

orcid.org/0000-0002-7074-6823

WoS ResearcherID: A-8926-2018

ScopusAuthorID 56940690200

Doctor of History, professor,
leading research scientist
vladyka62@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported
by the Russian Science Foundation,
grant № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются реалии комсомольской борьбы с культурной отсталостью деревни в 1920-е годы. Связывая окружающие недостатки с «пережитками прошлого», комсомол в своей деятельности отличался радикализмом, непродуманностью действий, игнорированием сельской специфики. Однако это не должно полностью заслонить те результаты преобразований молодежного союза, которые и сегодня можно оценить положительно. Авторы статьи пытаются выявить их, более объективно изучив влияние комсомола и пионерии на крестьянство. Проблема рассматривается с позиций «поколенческой» истории. Выясняя отношение крестьян к результатам «революции в быту», авторы в первую очередь обращают внимание на реакцию представителей поколения «революционного перелома» (родившихся в основном в 1890-е годы) на молодежные инновации. Хотя крестьяне в силу своего природного консерватизма часто отрицательно оценивали свершения комсомола, что объективно имело положительные последствия, постепенное возрастание симпатий крестьян к комсомольской «революции в быту» в целом очевидно. Небольшая разница в возрасте поколений «революционного перелома» и «детей революции» (комсомольцев того времени) способствовала привлечению крестьян из поколения «революционного переворота» на мероприятия, организуемые комсомольцами.

Ключевые слова:

село; крестьянство; поколения; революционный перелом; молодежь; дети; комсомол.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the realities of the Komsomol's struggle against cultural backwardness in the village during the 1920s. Connecting surrounding deficiencies with the "remnants of the past," the Komsomol stood out for its radicalism, lack of foresight in actions, and disregard for rural specifics. However, this should not overshadow the positive results of the transformations of the youth union that can still be appreciated today. The authors attempt to identify these results by objectively studying the influence of the Komsomol and the Pioneers on the peasantry. The problem is approached from the perspective of "generational" history. Examining peasants' attitudes towards the results of the "revolution in everyday life," the authors primarily focus on the reaction of representatives of the "revolutionary breakthrough generation" (mostly born in the 1890s) to youth innovations. Although peasants often negatively assessed the achievements of the Komsomol due to their natural conservatism, which objectively had positive consequences, a gradual increase in peasants' sympathies towards the Komsomol's "revolution in everyday life" is evident overall. The slight age difference between the "revolutionary breakthrough generation" and the "children of the revolution" (Komsomol members of that time) contributed to attracting peasants from the "revolutionary overturn generation" to events organized by the Komsomol.

Key words:

village; peasantry; generations; revolutionary breakthrough; youth; children; Komsomol.

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-526-542

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Деятельность сельских комсомольцев 1920-х годов по преодолению «пережитков прошлого»

© Слезин А. А., Безгин В. Б., 2024

1. Введение = Introduction

В современной историографии, как правило, даются отрицательные оценки участия коммунистических активистов 1920-х годов в борьбе с «пережитками прошлого» [Кулинич, 2009; Панин, 2003]. В довоенном СССР действительно не только не были уничтожены причины объявленных «пережитками прошлого» девиантных форм поведения, но и были созданы новые формы. Однако при объективном взгляде на события 1920-х годов мы должны признать противоречивость процесса преодоления «пережитков прошлого». В данной статье мы ставим цель выявить те результаты данной деятельности, которые и с современных позиций можно оценить позитивно.

Для более взвешенной оценки роли комсомола в преобразованиях сельского быта мы используем сохранившиеся материалы об отношении к ним крестьянства. В этой связи будет использована методология поколенческой истории. Предметом нашего изучения являются взаимоотношения активных представителей младшего поколения («детей революции», или «сталинского», по определению Ю. А. Левады, вступивших в юношеском возрасте в комсомол), с крестьянами поколения «революционного перелома». Предложивший понятие «революционный перелом» Ю. А. Левада подразумевает под ним исторический период («условно») 1905—1930 годов. С его позиции, активные участники (и жертвы) «перелома» родились «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2001, с. 7]. Как и многие другие современные исследователи, допускаем расширение указанных хронологических границ «рождения поколения» [Вязинкин, 2022]. Ведь в определении поколения важны не столько даты рождения, сколько те исторические события, которые «связывают» отдельные личности в целое поколение, или, по словам К. Мангейма, «определенные образцы опыта и мысли», «участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности». Немецкий социолог утверждал, что в каждом поколении может быть много разных секций (даже антагонистических), они могут быть

«ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга» [Мангейм, 2000, с. 26, 36, 40].

Прислушаемся к мнению Ф. Н. Козлова: «Юношеский максимализм приводил к радикальным реакциям на оказанное сверху “доверие” и провоцировал в социуме не только противостояние по классово-сословным признакам, но и по возрастным группам» [Козлов, 2014, с. 75]. В этой связи уже заметным становится внимание современных исследователей к конфликту крестьянских поколений в раннем советском периоде [Мищенко, 2020; Рожков, 2016].

Помня о вполне устоявшейся в современной науке позиции, согласно которой «каждое общество, находящееся в условиях трансформации и модернизации, сталкивается с расколом между “старым”, консервативным поколением и “новым”, новаторским» [Чистякова, 2016, с. 99], мы все-таки заметим, что постепенно полярные гиперболизации в понимании конфликта поколений преодолеваются [Гайлит, 2012; Лисовский, 2002; Сидоров, 2013]. Феномен конфликта поколений все в большей степени воспринимается как принимающий конструктивную или деструктивную форму в зависимости от конкретно-исторических условий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Именно в период нэпа на селе заметной политической силой становился комсомол. В начале нэпа, правда, его состав уменьшился. Сказались не только беды Гражданской войны, но и определенное разочарование молодежи в советской политике. У одних оно было связано с итогами первых лет, у других, наоборот, с нэповским отступлением. К концу 1922 года комсомольцы составляли лишь около 1 % молодежи [Статистический сборник ..., 1924, с. 9]. IV и V съезды комсомола придерживались линии нерасширения деревенских ячеек, были установлены повышенные требования к вступающим в комсомол юношам и девушкам крестьянского происхождения. Кое-где это привело к сокращению комсомольской работы в деревне, что быстро было признано ошибочным. Распространение влияния комсомола на деревню связывалось с увеличением в целом коммунистического влияния на крестьянство.

К 1924 году доля комсомольцев среди молодежи увеличилась, но не превысила 1,6 %. Среди всей молодежи, занимающейся земледелием, комсомольцы составляли 0,9 %, а среди сельских девушек — и вовсе 0,16 % (16 тысяч из 10 миллионов) [Виола, 2010, с. 67]. Тем не менее, хотя комсомольские организации в деревне были еще немногочисленными, сельский комсомол представлял собой «для многих взрослых ненавистную силу крестьянской политики, которую, как правило, было слышно и видно лучше, чем сельский актив компартии» [Зиновьев, 1925, с. 5—6].

В качестве задачи, которую по силам решить за год, партийные лидеры в 1924 году называли рост комсомольской организации в деревне до 2 миллионов. В реальности численность крестьян в комсомоле к началу 1925 года выросла до 800 тысяч. В комсомольском возрасте (16—23 года) в это время находились более 10 миллионов сельских жителей [Зиновьев, 1925, с. 2]. По РСФСР на 1 марта 1924 года насчитывалось 10 288 деревенских ячеек ВЛКСМ, к январю 1925 года — 18 893 [Кромер, 2019, с. 39]. За время с VI (июль 1924 года) по VI съезд (март 1926 года) комсомола союз вырос в 2,5 раза. Доля крестьян в союзе увеличилась с 39,4 до 46 %, батраков — с 5,9 до 7,7 % [Комсомольцам..., 1926, с. 19, 24]. На 1 января 1927 года количество молодежи в СССР в возрасте от 14 до 23 лет составляло 29,7 млн человек. В комсомоле состояли 7,4 % (около 2 млн). Сельских комсомольских ячеек было на 27 950 больше, чем партийных [Подсчитано по: Отчет ЦК ВЛКСМ, 1928, с. 21; Справочник..., 1930, с. 379]. На 1 января 1928 года в союзе насчитывалось 700 ячеек при колхозах, в них — 36 468 человек [Итоги ..., 1931, с. 66].

Политика искусственных задержек роста комсомола за счет крестьянской молодежи была признана ошибочной и политически опасной. В союзе пришли к выводу, что при закрытии дверей для широких масс сельской молодежи они попали бы под религиозное влияние. Вызывало беспокойство и появление различных альтернативных объединений крестьянской молодежи.

В отличие от первых лет советской власти, когда в самом комсомоле были и представители поколения «революционного перелома» (в основном родившиеся в 1890-е годы), в период нэпа после поворота власти «лицом к деревне» определяющей стиль молодежного движения стала деятельность поколения «детей революции».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Революция в быту» и взаимоотношения крестьянских поколений

Являвшаяся одним из главных направлений комсомольской работы борьба с религией пропагандировалась прежде всего как метод преодоления культурной отсталости масс. Неслучайно ее составной частью называли борьбу с «пережитками прошлого» в быту. А поскольку старики в бытовом отношении слишком консервативны, а в молодежь старые бытовые черты не вкоренились еще глубоко, то революция в быту, как говорил М. И. Калинин, «успешнее всего должна развиваться среди молодежи» [Калинин, 1969, с. 67—68]. Партийные лидеры на местах и вовсе заявляли, что «над стариками мы должны поставить крест, так как их все равно никакими методами не привлечь» [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 102].

К середине 1920-х годов непримиримость в отношениях со старшими поколениями комсомол старался приглушить, осознавая: пока крестьяне не почувствуют, что к их мнению прислушиваются, не изменится к лучшему и их отношение к коммунистическим организациям. Шефствуя над пионерами, комсомол призывал их проводить коммунистическую линию в семье без хвастовства и наскока, осторожно. Начинать советовали с малого — с примерного поведения в семье самих пионеров. Необычно звучали для этого времени призывы внимательно прислушаться к проявлениям недовольства родителей. Причем подчеркивалось, что особая осторожность требуется, когда дело идет о больных сторонах деревенского быта. Если в начале 1920-х годов и в печати акцентировалось внимание на антагонизме поколений, то в середине десятилетия даже в стихотворной форме подчас говорилось о преемственности. Например, в сценарии «живой газеты» «Мужичья смена» в качестве финала провозглашалось: «К свету, науке // Из темного плена // Смело шагает // Мужичья смена. // Будем примером // Юных борцов // Продолжим дело // наших отцов» [Юрцев, 1926, с. 7].

Чтобы смягчить конфликты, в ходе осуществления политики «лицом к деревне» власть поменяла формы и методы антирелигиозной деятельности. С весны 1923 года старались не отталкивать антирелигиозной работой и взрослых крестьян. Тамбовский губком РКСМ, например, прямо призывал: «Борьбу с “попами” нужно заменить борьбой с религией и проводить путем научных бесед и лекций» [Комсомол в деревне ..., 1924, с. 4]. В агитационных материалах комсомола крестьянская молодежь называлась самой подходящей почвой для антирелигиозной пропаганды в деревне, но при этом подчеркивалось, что она находится на распутье, не знает, что противопоставить попам [Там же, с. 10].

Руководители комсомола пришли к правильным выводам: крестьянин только тогда поверит комсомольцам, когда на практике их хозяйствования увидит, как можно выйти из нужды; оказывать глубокое влияние на беспартийных комсомольцы могут только в том случае, если знают и умеют больше них; надо стремиться не в город, а стать примерным крестьянином.

В некоторых ячейках даже приходили к осознанию необходимости более тесных связей с крестьянами старших поколений, привлечению крестьян-передовиков к работе в сельскохозяйственных товариществах, кружках, секциях. В тех местах, где комсомол вел хорошую хозяйственную и культурно-просветительную работу, и сами крестьяне поколения «революционного перелома» легче шли на контакты с комсомольцами, уважительнее относились к молодежному союзу.

3.2. «Читать — значит думать»

Приходится признать, что действительно далеко не все обычаи, сохранившиеся в крестьянской среде, необходимо было сохранить. Безусловно, заслуживает одобрения стремление комсомольских и пионерских организаций воспитать любовь к книге, газете. Привлекают внимание многие тогдашние подходы к организации чтения. Например, «правила», пропагандируемые комсомолом: «Читать — значит думать с кем-нибудь, создавать собственные мысли при помощи мыслей чужих. Читать — ничто, читать и размышлять — все. Бери не количеством, а качеством, одна продуманная книга стоит сотни проглоченных. Старайся читать вслух. Обмен мнений и взглядов по поводу прочитанного ценно, как и само чтение. Хорошую книгу нельзя читать только один раз — перечитывай ее и обдумывай» [Книгу и газету ..., 1924, с. 40].

В некоторых деревнях взрослые крестьяне с интересом слушали читки вслух материалов «Пионерской правды», которая почти в каждом номере публиковала страницу «Пионерская деревня», а в ней не только новости из сельских пионерских организация, но и советы агрономов, сообщения об успешном применении аграрных инноваций.

Заметные новшества в сельский быт вносила стенная печать. Так, в станице Дербентской стенгазета часто поднимала проблему борьбы со знахарством, а также темы разоблачения самогонщиков и борьбы с пьянством [Комсомол в деревне, 1926, с. 133—134]. Обычными темами газетных выступлений стали борьба за чистоту, пропаганда полезности физической культуры. Все чаще в деревнях выходили не периодические издания — газеты (для них, как правило, использовали большие листы бумаги, на которых рисовали, писали заметки или приклеивали к ним напечатанное на машинке), а так называемые «непрерывки». Как правило, бумага с информацией вкладывалась в специальные кармашки, то есть ее можно было свободно поменять. Затем стали использовать более твердую основу (картон или доску), где заранее размещали названия разделов и рубрик. Позже для лучшей сохранности менявшихся материалов использовали стекло. Так обновлять содержание стенгазеты было, конечно, легче.

Надо учесть, что статистика, показывающая рост количества стенгазет, вряд ли могла быть точной. Но если ей верить, то рост количества стенгазет в стране действительно был впечатляющим: 1924 год — 3 тысячи, 1928 год — 60 тысяч, 1930 год — 250 тысяч [Вертинский, 1931, с. 140, 151, 152]. Развитие сети селькоров, среди которых преобладала молодежь, но были и крестьяне поколения «революционного перелома», способствовало не только росту социальной активности крестьянства, но и обретению многими из них навыков элементарной литературной деятельности. Не-

случайно из селькоровской среды вышли многие советские писатели. Фактически их взрастила, воспитала стенная печать.

Молодые этнографы, исследовавшие нэповскую деревню, признавали: «При умелой постановке стенгазеты она служит организатором всей работы в деревне и, выявляя недостатки крестьянской жизни, привлекает симпатии взрослого населения к комсомолу» [Комсомол в деревне, 1926, с. 139]. Новой смелой общественной силой деревни, из которой будут выковырывать ее новый актив, этнографы называли селькоров. Обличая местные изъяны жизни, стенгазеты будоражили общественное мнение, их заметки нередко становились поводами к обсуждению на сельских сходах. Юмористический отдел на самом деле был, как правило, сатирическим, бичевал недостатки вокруг. Во многих газетах популярностью пользовались рубрики «Советы крестьянину», «Быт деревни», «Справочник» (с ответами на вопросы крестьян). Многим крестьянам очень хотелось быть в курсе событий у себя в округе, и знакомство с новостями местной жизни было оправданным поводом к обретению ими читательских навыков.

На VIII съезде ВЛКСМ специальное заседание посвятили участию молодежи в культурной революции. Каждый грамотный комсомолец обязывался найти одного неграмотного и обучить его читать и писать. В августе 1928 года дали старт Всесоюзному культпоходу. Регулярно проводились месячники и субботники в помощь ликвидации неграмотности. Комсомольцами засеивались так называемые «культурные гектары», доходы от которых поступали в фонд борьбы с неграмотностью. Ячейки устраивали специальный сбор средств для детей бедноты, организовывали починку их одежды и обуви, чтобы дети могли ходить в школу. Осуществлялся сбор литературы для обучения грамоте. Многие юноши и девушки по решению комсомольских органов были направлены на работу в школы, на учебу в педагогические техникумы и институты.

Позже было записано множество воспоминаний крестьян 1920-х годов, с благодарностью отзывавшихся об усилиях комсомольцев именно в деле ликвидации неграмотности. Как показывает анализ частушек, подмечена крестьянами и неразрывная связь ликбеза с политической и антирелигиозной пропагандой.

3.3. За чистоту и здоровье

В ряде регионов комсомольцы принимали активное участие в работе «венерических отрядов». В целях профилактики венерических заболеваний комсомольцы выступали с лекциями, пропагандировали элементарные навыки личной гигиены. Зачастую комсомольцы сами изготавливали плакаты, готовили представления живых газет, театральные санитарные постановки.

Борьба за гигиену была призвана способствовать искоренению массовых венерических заболеваний. Комсомольцы и пионеры многократно переписывали санитарно-просветительные листовки, настойчиво зачитывали их для крестьян. Например, в целях борьбы с гриппом крестьянам советовали во время чихания и кашля закрывать нос и рот носовым платком, не дышать друг другу в лицо, не плевать на пол, не щелкать семечки, регулярно проветривать помещения, пользоваться отдельными полотенцами и посудой, спать в отдельных кроватях, обязательно тщательно мыть руки перед едой, соблюдать чистоту одежды, не пить спиртных напитков. В тогдашних условиях эти элементарные советы тоже вызывали недовольство консервативно настроенных крестьян, хотя на самом деле спасали жизни от эпидемий.

Фактически вся санитарно-гигиеническая работа пионеров и комсомольцев сводилась к привитию простейших навыков гигиены себе и своей семье, а также к санитарному просвещению взрослых. Действуя по поговорке «капля воды камень долбит», молодые просветители, игнорируя насмешки, делали небольшие ящички и насыпали в них влажный песок, меняя его 2—3 раза в неделю: приучали родных не плевать на пол. Изготавливали железные скребки и размещали их вместе с тряпками у порога, чтобы обувь чистили при входе в дом. Подавали пример в мытье ног перед сном. Заводили носовые платки (или просто клали в карманы чистые тряпки). Уговаривали родителей не держать в избах домашних животных. Показывали пример в еде из отдельной миски, в стрижке волос и ногтей. Настаивали на выделении им отдельной постели, отдельного полотенца. Возмущение многих крестьян вызывала процедура чистки зубов. Причем часто зубного порошка и щетки не было, поэтому молодые «передовики быта» натирали пальцы мылом, толченым мелом или березовым углем и чистили зубы.

Молодежь оказалась все-таки более восприимчивой к санитарной пропаганде, и сама старалась внушить старшим, что болезнь легче предупредить, чем лечить. Некоторые из гигиенических правил напоминали местные крестьянские традиции. Но для многих крестьян пропагандируемые гигиенические правила (особенно в сфере половой гигиены) звучали непривычно и приживались болезненно.

Отдельным направлением работы стала борьба за снижение высокой детской смертности. В 1924 году в СССР из каждой тысячи новорожденных умирало 260 человек [Женщина и быт ... 1926, с. 124]. Поэтому не только правила личной гигиены, но и пропагандируемые правила жилищной гигиены были направлены на создание комфорта для рожениц. Другое дело, что реальные жилищные условия просто не позволяли выполнить

данные планы и вызывали у крестьянок чаще всего нескрываемые раздражение и горечь, неприязнь по отношению к юным «умникам».

Все большее распространение на селе получали летние детские ясли. Рассматриваемые в качестве зародыша более широкой системы детского дошкольного воспитания, они явно способствовали не только высвобождению женщин для общественно полезного труда, но и разрушению патриархальных традиций деревни. Даже в учебной литературе подчеркивалось, что путь освобождения женщины от «домашнего рабства» «лежит через общественную столовую и прачечную, через детский сад, ясли». Освобождение от домашнего рабства подавалось как «необходимое условие освобождения от религиозного дурмана» [Учебник для рабочих... 1929, с. 318]. В некоторых комсомольских ячейках призывали своих членов не ждать, когда сестра или мать помогут пол, искоренять неопрятность собственным примером. Там, где ясли и детские площадки организовать не сумели, комсомолцы и пионеры сами устраивали дежурство девушек-нянечек для помощи трудящимся матерям. Иногда именно комсомолцы становились руководителями и нянечками в летних яслях, предоставляя матерям спокойно уходить на целый день на работу, не боясь, что ребенка покалечит 7—8 летняя нянька из числа «старших» детей.

Как противовес религии и прочим «пережиткам прошлого» преподносились и занятия спортом. Показательна иллюстрация в предпасхальном номере спортивной газеты: в сидящего на облаках Бога летит с земли футбольный мяч. Заголовок гласил: «Спорт небесный и земной меж собой вступили в бой» [Красный спорт ..., 1925, с. 2]. Крестьянам внушалось, что до революции их нарочно «дурманили религией», а теперь можно будет заниматься полезным отдыхом, в том числе физкультурой и спортом. С другой стороны, именно в физкультуре видели «активированную гигиену», средство повышения производительности труда и инструмент понижения вредности трудовых нагрузок.

Однако рассчитывать на быстрое развитие физкультуры и спорта в деревне не приходилось. Занятые на сельскохозяйственных работах, даже молодые крестьяне физкультурой обычно занимались неохотно. Отсутствие инструкторов или каких-либо опытных руководителей, инвентаря и денежных средств еще более усугубляло ситуацию. В Брянской губернии, например, большим достижением считали образование к началу 1927 года 10 физкультурных кружков, в которых занимались 357 человек [Отчет... 1927, с. 41]. Еще более высоким достижением считалось наличие в кружках хотя бы нескольких девушек.

Впрочем, когда не хватало инвентаря или не было подготовленных спортиструкторов, комсомолцы пытались упростить физкультурные за-

нятия. Зимой по вечерам и в праздничные дни организовывали катания на саниах, прогулки на самодельных лыжах, заливали горки и небольшие катки, играли в упрощенное подобие хоккея (на Смоленщине его называли «ковена»). Обычным делом стало изготовление своими силами шашек и даже шахмат, проводились состязания между отдельными кружками.

3.4. Досуг по-советски

Пытаясь расширить влияние комсомола на молодежь, XIV съезд ВКП(б) заявил о праве юношества на «минимум развлечений» [КПСС в резолюциях... т. 3, с. 463]. Культурно-просветительная работа стала восприниматься как наиболее приемлемый для молодой деревни способ ее социалистической переделки, и поэтому руководство комсомола всячески пыталось переориентировать внимание местных организаций на более серьезное отношение к ней.

Постепенно уходили в прошлое комсомольские разгоны посиделок. В оценках комсомольцев и тем более — несоюзной молодежи прослеживается тенденция к признанию правильности непримиримых действий несоюзной молодежи по отношению к идейным противникам посиделок. Все-таки в деревенской жизни для молодежи посиделки были чуть ли не главным развлечением.

В некоторых местах комсомольцы еще боролись с посиделками, но замаскированно. В основном же комсомольские организации стремились изменить содержание посиделок. В большинстве своем комсомольские лидеры на местах осознали, что в культурно-просветительной работе в деревне надо покончить с сухостью, официальнойностью, напряженностью. Из посиделок, вечеров, супрядок пытались сделать очаг разумного и культурного, но одновременно веселого, живого, интересного деревенской молодежи досуга. Ставилась задача изжить из крестьянского отдыха руготню, издевательства над девушками, игру в карты, всякую похабщину.

Для того чтобы завоевать доверие девушек, комсомольцам предписывалось не хулиганить, не браниться, к девушкам относиться потоварищески. Неформальными лидерами тогдашних деревенских посиделок были, как правило, гармонисты. Поэтому комсомольцам настоятельно рекомендовалось самим учиться играть на гармонии. Стали издавать специальные сборники, которые советовали использовать для организации читок и инсценировок на посиделках. Комсомольцам рекомендовали даже взять на себя хотя бы часть расходов на содержание помещений, где проходили посиделки. Но при этом не забывать, что комсомольскими посиделками могут называться только тогда, когда веселье сопровождается полезными играми, беседами, когда в песни и частушки тоже вкладывается советское содержание.

Интересен опыт комсомола по выявлению деревенских молодежных лидеров и переманиванию их на свою сторону. Осознав, что роль заводил играют гармонисты, в ряде сел проводили конкурсы гармонистов. А после конкурсов, проведя учет всех местных гармонистов, комсомолыцы старались не выпускать их из-под своего влияния, активно вовлекать в подготовку концертов художественной самодеятельности.

Во второй половине 1920-х комсомольские руководители стали все настойчивее отстаивать тезис о том, что в деревне не должно быть ни одной «некрасной» посиделки. Прежде всего, речь шла о помощи молодежи освободиться от похабщины, безалаберности, пьянства, азартных игр. Комсомольскими лидерами обычно признавалось, что нужны и вечеринки-гулянки. Ведь молодежь нуждается в развлечениях и общении. Но чтобы молодежь не отсиживалась на вечеринках, прячась от более культурных форм досуга, призывали «медленно, постоянно и обдуманно вводить ... новое содержание» [Зорина, 1926, с. 7]. Раздавались также призывы отказываться от надуманности, официальщины, придавать вечеркам больше веселости. Именно на вечерках кое-где зарождались образовательные кружки.

4. Заключение = Conclusions

В свое время один из авторов настоящей статьи доказал, что многие действия комсомола 1920-х годов вели к обострению конфликта поколений в российской деревне [Слезин, 2023]. Однако сегодня мы продвинулись в более объективном освещении влияния коммунистической молодежи и пионеров на межпоколенческие отношения крестьян. Появилась уверенность в том, что данные организации имели огромный созидательный потенциал, воплощавшийся и в конкретные дела, многие из которых вызывали симпатии крестьян старших поколений, в том числе и поколения «революционного перелома».

При этом нельзя отрицать того, что крестьяне (особенно в сфере быта) в силу своего природного консерватизма нередко негативно оценивали свершения комсомола, на самом деле помогавшие селу освободиться от плохого по своей сути наследия. Безусловно, это также вносило свой вклад в формирование межпоколенческого разлома.

Однако мы не должны сбрасывать со счетов и явные симпатии крестьянства по отношению к молодым организаторам ликвидации безграмотности и широкой культурно-просветительной, санитарно-гигиенической, оздоровительной деятельности. Видя, что пионеры и комсомолыцы пополняют фонды изб-читален за свой счет, помогают избачам в украшении и уборке помещений, в топке печей, в ремонте книг, доставке почты, крестьяне осознавали реальную пользу от их дел. В мелочах повседневной

жизни детские и молодежные объединения демонстрировали крестьянам свою пользу больше, чем в массовых мероприятиях.

Когда комсомольцы старались изжить не только в своих рядах, но и в целом в молодежной среде хулиганство, пьянство и прочие девиантные проявления, показывали пример в организации досуга, полезного для общекультурного развития, крестьяне ставили в пример членов местных ячеек. Маленькая разница в возрасте поколений «революционного перелома» и «детей революции» способствовала тому, что крестьяне из поколения «революционного перелома» более охотно, чем крестьяне старших возрастов, участвовали в мероприятиях, организуемых комсомолом, особенно в избах-читальнях. Некоторые приобщались и к занятиям спортом. По крайней мере, своим детям, младшим братьям и сестрам крестьяне поколения «революционного перелома», как правило, не препятствовали участвовать в «красных посиделках», внимательно относились к агропропаганде.

Именно позитивные изменения в отношении крестьянства к комсомолу способствовали тому, что и сам комсомол, помня о своем предназначении «моста от партии к широким массам крестьянства» как бы делал «шаги навстречу», изменяя характер своей деятельности, постепенно все же освобождаясь на многих участках от радикализма и непримиримости.

Заявленный вклад авторов: Слезин А. А. — концепция исследования; развитие методологии написания текста; итоговые выводы. Безгин В. Б. — доработка текста; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Anatoly A. Slezin — research concept; development of text writing methodology; final conclusions. Vladimir B. Bezgin — text revision; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Вертинский Н. С.* Газета в России и СССР. XVII—XX вв. / Н. С. Вертинский. — Москва-Ленинград : ОГИЗ, 1931. — 168 с.
2. *Женщина и быт* : Материалы по работе среди женщин в клубе, красном уголке, общежитии, женкружке и пр. — Москва : Пролеткульт, 1926. — 174 с.
3. *Зиновьев Г. Е.* Комсомол и партия / Г. Е. Зиновьев. — Ленинград : Прибой, 1925. — 19 с.
4. *Зорина.* Вечеринка / Зорина // Деревенский Театр. — 1926. — № 11. — С. 7.
5. *Итоги девятого съезда ВЛКСМ.* — Москва : ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931. — 87 с.
6. *Калинин М. И.* О молодёжи. Избранные статьи и речи / М. И. Калинин. — Москва : ЦК ВЛКСМ, 1969. — 400 с.

7. Книгу и газету рабочей и крестьянской молодежи. — Хабаровск, 1924. — 24 с.
8. *Комсомол в деревне*. Очерки / Под. ред. В. Г. Тана-Богораза. — Москва–Ленинград : Госиздат, 1926. — 202 с.
9. *Комсомол в деревне* : (Сборник материалов по работе ячеек Р.К.С.М. В деревне). — Тамбов : Издание Тамбовского Губкома Р.К.С.М., 1924. — 75 с.
10. *Комсомольцам о VII съезде ВЛКСМ*. — Москва–Ленинград : Молодая гвардия, 1926. — 96 с.
11. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК : (1898—1986)* / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 9-е изд., доп. и испр. — Москва : Изд-во полит. лит., 1984. — 494 с.
12. *Красный спорт* : [газета]. — 1925. — 19 апреля. — С. 2.
13. *Отчет Брянского губкома ВЛКСМ к XI Губернской конференции комсомола (Февраль 1926 г. — Февраль 1927 г.)*. — Брянск : Издание Брянского Губернского Комитета ВЛКСМ, 1927. — 69 с.
14. *Отчет ЦК ВЛКСМ. VIII Всесоюзный съезд*. — Москва : Молодая гвардия, 1928. — 152 с.
15. *Справочник партийного работника*. — Москва–Ленинград : Гос. изд-во, 1930. — Выпуск 7. — Ч. 2. — 193 с.
16. *Статистический сборник о состоянии РКСМ за период с 1 окт. 1922 г. по 1 янв. 1924 г.* — Москва : [б. и.], 1924. — Выпуск 1. — 104 с.
17. *Учебник для рабочих антирелигиозных кружков* — Москва : Безбожник, 1929. — 336 с.
18. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 102.
19. *Юрцев Б. Мужичья смена* / Б. Юрцев // *Пионер*. — 1926. — № 1. — С. 7.

Литература

1. *Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления* / Л. Виола. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 366 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.
2. *Вязинкин А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии* / А. Ю. Вязинкин // *Вопросы истории*. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.
3. *Гайлит О. Религия в «молодом» обществе : заметки о становлении советской повседневности* / О. Гайлит // *Антропологический форум*. — 2012. — № 16. — С. 288—308.
4. *Козлов Ф. Н. Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия : Историко-психологический аспект* / Ф. Н. Козлов // *PolitBook*. — 2014. — № 3. — С. 68—79.
5. *Кроммер Л. В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы РСФСР (1924—1925 гг.)* / Л. В. Кроммер // *Гуманитарные науки в Сибири*. — 2019. — Т. 26. — № 4. — С. 37—43. — DOI: 10.15372/HSS20190406.
6. *Кулинич Н. Г. Дальневосточные города в 1920—1930-е гг. : «пережитки прошлого» в жизни населения* / Н. Г. Кулинич // *Новый исторический вестник*. — 2009. — № 2. — С. 25—36.
7. *Левада Ю. А. Поколения XX века : Возможности исследования* / Ю. А. Левада // *Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены*. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

8. Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети» : за диалог в отношениях / В. Т. Лисовский // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 111—116.
9. Мангейм К. Очерки социологии знания : Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции: пер. с англ. / К. Мангейм. — Москва : ИНИОН РАН, 2000. — 162 с. — ISBN 5-248-01334-8.
10. Мищенко Т. А. Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. В деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40. — DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7.
11. Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы / С. Е. Панин // Вестник Евразии. — 2003. — № 4. — С. 135—154.
12. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.
13. Сидоров Е. С. Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества / Е. С. Сидоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 2. — С. 175—178.
14. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 446—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477.
15. Чистякова Д. П. Типологизация поколений по Ю. Леваде : социолого-культурологический аспект / Д. П. Чистяков // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. — 2016. — № 9. — С. 99—103.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024,
одобрена после рецензирования 06.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

- A book and a newspaper for working and peasant youth. (1924). Khabarovsk. 24 p. (In Russ.). CDNIRO — Center for documentation of the modern history of the Rostov region. F. 4. Op. 1. D. 4. L. 102. (In Russ.).
- Handbook of a party worker*, 7 (2). (1930). Moscow-Leningrad: State Publishing House. 193 p. (In Russ.).
- Kalinin, M. I. (1969). *About youth. Selected articles and speeches*. Moscow: Central Committee of the Komsomol. 400 p. (In Russ.).
- Komsomol in the village: (Collection of materials on the work of R.K.S.M. cells in the village)*. (1924). Tambov: Edition of the Tambov Gubkom R.K.S.M. 75 p. (In Russ.).
- Komsomol in the village. Essays*. (1926). Moscow-Leningrad: Gosizdat. 202 p. (In Russ.).
- Komsomol members about the VII Congress of the Komsomol*. (1926). Moscow-Leningrad: Molodaya Gvardiya. 96 p. (In Russ.).
- Krasny sport: [newspaper]*. April 19. (1925). P. 2. (In Russ.).
- Report of the Bryansk Gubernatorial Committee of the Komsomol to the XI Provincial Conference of the Komsomol (February 1926 — February 1927)*. (1927). Bryansk: Publication of the Bryansk Provincial Committee of the Komsomol. 69 p. (In Russ.).

- Report of the Central Committee of the Komsomol. VIII All-Union Congress.* (1928). Moscow: Molodaya Gvardiya. 152 p. (In Russ.).
- Results of the ninth Congress of the Komsomol.* (1931). Moscow: OGIZ “Molodaya Gvardiya”. 87 p. (In Russ.).
- Statistical collection on the state of the RKSM for the period from October 1, 1922 to January 1, 1924, 1.* (1924). Moscow: [B. I.]. 104 p. (In Russ.).
- Textbook for workers of anti-religious circles.* (1929). Moscow: Godless. 336 p. (In Russ.).
- The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee: (1898—1986).* (1984). Moscow: Publishing House of Political Literature. 494 p. (In Russ.).
- Vertinsky, N. S. (1931). *Newspaper in Russia and the USSR. XVII—XX centuries.* Moscow-Leningrad: OGIZ. 168 p. (In Russ.).
- Woman and life: Materials on work among women in the club, the red corner, the hostel, the women's club, etc.* (1926). Moscow: Proletkult. 174 p. (In Russ.).
- Yurtsev, B. (1926). Muzhik shift. *Pioneer, 1*: P. 7. (In Russ.).
- Zinoviev, G. E. (1925). *Komsomol and the party.* Leningrad: Priboy. 19 p. (In Russ.).
- Zorina. (1926). *Party. Village Theater, 11*: P. 7. (In Russ.).

References

- Chistyakova, D. P. (2016). Typologization of generations according to Yu. Levada: a sociological and cultural aspect. *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice, 9*: 99—103. (In Russ.).
- Gailit, O. (2012). Religion in a “young” society: notes on the formation of Soviet everyday life. *The Anthropological Forum, 16*: 288—308. (In Russ.).
- Kozlov, F. N. (2014). Youth reactions to the innovative concept of Soviet atheism: A historical and psychological aspect. *PolitBook, 3*: 68—79. (In Russ.).
- Kromer, L. V. (2019). Participation of the Komsomol in the elections to the village councils of the RSFSR (1924—1925). *Humanities in Siberia, 26 (4)*: 37—43. DOI: 10.15372/HSS20190406. (In Russ.).
- Kulinich, N. G. (2009). Far Eastern cities in the 1920s—1930s: “remnants of the past” in the life of the population. *New Historical Bulletin, 2*: 25—36. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 5*: 7—14. (In Russ.).
- Lisovsky, V. T. (2002). “Fathers” and “children”: for dialogue in relationships. *Sociological research, 7*: 111—116. (In Russ.).
- Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations. Competitiveness. Economic ambitions: translated from English.* Moscow: INION RAS. 162 p. ISBN 5-248-01334-8. (In Russ.).
- Mishchenko, T. A. (2020). The younger generation in the construction of a new political identity in the 1920s. In the village of the South-West of Russia. *Manuscript, 13 (10)*: 34—40. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7. (In Russ.).
- Panin, S. E. (2003). “The master of urban streets”. Hooliganism in Soviet Russia in the 1920s. *Bulletin of Eurasia, 4*: 135—154. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of the intergenerational gap (1920s). *Voice of the past, 3—4*: 164—182. (In Russ.).
- Sidorov, E. S. (2013). The conflict of generations in the context of the process of development of culture and society. *Historical, philosophical, political and legal sciences,*

- cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2: 175—178. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of “Anti-Religious Offensive” of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 446—477. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477> (In Russ.).
- Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the era of Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance*. Moscow: ROSSPEN. 366 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of history*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).

*The article was submitted 31.01.2024;
approved after reviewing 06.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.*